

утра, а утром можно ходить. «У немцев русские пленные работают, — машины моют» — сказал дед. Мы осторожно огородами вышли в поле, нашли клуню. На полу шуршала солома, мы подгребли ее под стенку и улеглись спать, плотно прижавшись, друг к другу.

Проснулся я внезапно, вскочил, было уже светло. Стены клуни были сплетены из хвороста, и лучики солнца пробивались внутрь. День обещал быть погожим, но на душе было тревожно. Я растолкал своего друга, приоткрыл дощатую дверь и ахнул: слева по дороге к клуне шел немец с тросточкой в руке, в фуражке с высоким козырьком, маленькая собачка бежала рядом с ним. Увидев меня, оба остановились, а я, резко повернув вправо, быстро пошел по дороге, спускавшейся в долину. Снизу дул ветерок, раздувая, как крылья летучей мыши, мою расстегнутую шинель.

Я шел, не оглядываясь, но заметил, скосив взгляд, что немец остановился и стоял наверху, похлопывая тросточкой по сапогу. Показались первые хаты села. Когда я, наконец, оглянулся, немца наверху уже не было. Володька, конечно, не успел выскочить из клуни. Что с ним? Все это мне удалось узнать только через шесть лет. Мы встретились случайно на базаре в Харькове — он торговал табаком самосадом, обнялись, вспомнили былое. Он выскочил-таки из той клуни, выломав сапогом противоположную стенку, и удрал...

Я зашел в третью по счету хату. На полу, на рядне, сидели два мальчика и ели вареную картошку. Хозяйка посмотрела на меня и сказала: «Вижу, что голодный, садись с ребятами и ешь». Дала мне кусок хлеба и соленый огурец. Рассказала, что в конце села живет дед, который направит, куда идти, чтобы выйти к своим, но посоветовала переодеться в гражданское, а то опять в лагерь попаду.

Я поменял свою шинель на крестьянский серяк